

Птичник

№ 8

Посвящается Мэтью

Гнездо. Свитое из толстой оцинкованной проволоки и двадцати пяти nippleных поилок, устеленное мхом из птичьего корма и пуха. Многоярусная кормушка тянется рядами общей протяженностью шесть миль. Штабеля желобов высятся десятифутовыми конструкциями в форме буквы А — вселенского символа горы. Деревянные стропила, фанерные мостки. Темнота. Внезапный свет. Мигание трехсот тысяч допотопных глаз. Хитроумный механизм тикает, гудит и клацает, будто машина Судного дня. А надо всем этим кудахчут, квохчут и поют на рассвете сто пятьдесят тысяч птиц.

1

Едва выйдя из автобуса, Джейни заподозрила, что совершила ошибку.

До этого (пока ехала много часов подряд, из одного города в другой, из одного в другой, и свет за окном понемногу тускнел, и дверь то со вздохом раздвигалась, то снова закрывалась, и постепенно смеркалось, и наконец окончательно стемнело, и голова болталась взад-вперед в полусне, а в Чикаго пришлось выйти, чтобы пересесть на другой автобус, и ждать, поставив дорожную сумку на землю, и снова ехать в темноту, и вот уже рассвет, и мимо проносятся клетчатый день, и отражение в окне наслаивается на дорожные знаки и торговые центры) Джейни казалось, что впереди ее ждет удивительное приключение. Она сбросила с себя свое старое “я”, оставила прежнюю Джейни позади.

Казалось, она ее видит: прежняя Джейни призраком движется по обычному своему маршруту, она осталась там, в городе, и сейчас идет в школу. Они были как разделенные сиамские близнецы: одному суждено выжить, второму — умереть, и доктора не знают, которому из двух повезет, поэтому мир напряженно застыл, наблюдая. Она дрожала от предвкушения (штаты становились просторнее, земля — ровнее, закончились кучные клочки кустов и деревьев и потянулись бескрайние поля, а вдоль дорог на столбах шатались знаки с божьими вестями). Она, новая

Джейни, шагнула из строя одноклассников и двинулась прочь, и кто знает, что станет с ней теперь. Ей казалось, можно оглянуться, бросить взгляд через всю страну и увидеть: строй шагает вперед без нее, и прежняя Джейни медленно плетется за остальными, как корова, не желающая отстать от тех, кто идет впереди.

Но теперь, после полутора суток в дороге, она вышла из автобуса, на деревянных ногах спустилась по ступенькам, и вид станции зародил в ней первые сомнения. Чистые пластиковые сиденья, запах антисептика, сборище очень плохо одетых людей, чьи чемоданы замотаны в полиэтилен и уложены горкой на полу, как великанский завтрак из завернутых в пленку бутербродов.

А главное, отец: он не приехал. Как он выглядит, Джейни не знала, но у дверей не было никого, чья нервозность и выражение взволнованного ожидания на лице соответствовали бы моменту. Никто не переминался с ноги на ногу, не вертел в руках кепку, не вглядывался в глаза каждому приехавшему. Или, по-другому: никто не стоял в центре зала, сияя от гордости и сложив на груди руки, так что купленный в супермаркете букетик цветов в целлофане болтался головками вниз. Здесь никому не было дела до грандиозного путешествия Джейни. И в свое собственное грандиозное путешествие тут тоже никто не собирался.

Она и не рассчитывала, что он будет ее встречать. Он не говорил, что приедет. Он вообще ничего не сказал, не ответил, когда она отправила смс (какая глупость — в подобных обстоятельствах писать смс!) и когда позвонила (“Эм-м, привет, это

Джейни, ваша... дочь”). Джейни опустила дорожную сумку на поблескивающий пол и проверила телефон (очередное сообщение от мамы проигнорировала). Но вообще-то она все-таки рассчитывала, что он ее встретит.

На том конце длинной ленты автобусного путешествия, на другом краю страны, прежняя Джейни сейчас, наверное, возвращается домой с электрички, уроки заканчиваются в четыре, потом дискуссионный клуб до шести, над головой — наклонный навес из листов. Джейни отчетливо видела, как прежняя Джейни проходит мимо соседских особняков, размахивая рюкзаком, как спотыкается на лестнице, ведущей к квартире, как кричит: “Мам, ты дома?”

Нет, погодите. Та, прежняя Джейни обгоняла эту на час. Значит, сейчас она должна ужинать, удобно устроившись на стуле и подогнув под себя одну ногу, рука с вилок — в воздухе, как у оратора или проповедника, мать прислонилась к плите и смеется. Тем временем у новой Джейни, той, что остановилась перед рядом торговых автоматов, напрочь пропал аппетит, хотя в медленном и неудобном автобусе она почти ничего не ела (теперь-то она призналась себе, что автобус был неудобным, а в дороге все постила фотографии сараев, сена, домов, дорожных знаков с названиями населенных пунктов и численностью населения и сопровождала их рожицами, выражающими восторг, смех, удивление, озарение и другие эмоции, которые она в тот момент то ли испытывала, то ли нет), это были торговые автоматы с плоскими бутербродами, втиснутыми в пластиковые ячейки, и с пачками сигарет, которые выталкивает наружу спиральный держатель.

Боже. Подхватила сумку и вышла наружу, в весеннюю вечернюю прохладу.

14

Джейни было пятнадцать лет, и пять дней назад она узнала, где все эти долбаные годы пропал ее отец. Мать вечно втюхивала ей древнюю историю про банк спермы, и Джейни верила, хотя как вообще можно было поверить в такую тупую хрень? Ведь был же момент, когда она подросла и научилась считать, так чего бы ей было тогда не сообразить, что она никак не могла появиться из пробирки? Какая женщина впадет в отчаяние и ляжет под спринцовку в семнадцать лет — главный возраст любви и абортов? Но Джейни ей поверила и всю жизнь мечтала об отце. А в день пятинадцатилетия мать усадила ее и сказала, что Джейни уже достаточно взрослая, чтобы узнать: ее отец жив-здоров и находится там же, где мать Джейни его оставила, когда беременной сбежала в Нью-Йорк, чтобы дать будущей дочери лучшую жизнь, а оставила она его в Южной Айове — бесцветном краю стоянок грузовых автомобилей, переполненных тюрем и монокультурного земледелия. Джейни повезло, что она всего этого никогда не видела. Мать добавила, что только вот не надо теперь развивать в себе в связи с этим изнуряющие психологические комплексы, которые отравят ей всю дальнейшую жизнь. Джейни уже достаточно взрослая, чтобы принять осознанное решение о встрече с отцом и о посещении города, в котором ее зачали. Мать сама отвезет ее туда, когда учебный год закончится.

Другими словами, мать (*сука!*) ей *врала*.

Учебный год заканчивался только через месяц, и никто не имеет права так долго не давать дочери

увидеться с родным отцом. Уж не говоря про пятнадцать лет и сколько там еще дней.

Джейни шла по городу, по Центральной улице с ее поддельными старинными фонарями и закрытыми магазинами, хотя было еще только семь. Она взвалила сумку на плечо, как грабитель, и следовала мерцающей карте в телефоне. Нужный адрес обнаружился позади домов и торжественных нарядных лужаек, в одном из двух идентичных многоквартирных зданий из унылого серого кирпича. Домофона не было, поэтому она просто поднялась по лестнице к двери номер 209 и постучалась. “Эгегей! — позвала она смешным не своим голосом, чтобы было не очень заметно, как он дрожит. — Пивка не найдется?” Вообще-то она была не из тех, кто любит глупые шуточки, но вот пожалуйста. Она быстро поправила волосы.

Прежняя Джейни (лента дороги связывала их как веревка с двумя консервными банками или как игра в испорченный телефон: передаваемые сообщения искажались, почти лишались смысла, рассыпались в труху) сейчас, наверное, уже вернулась в Бруклин, говорит, что сегодня не ее очередь мыть посуду. Мать прежней Джейни, наверное, сидит перед компьютером и говорит, что мыть посуду всегда ее очередь. Мать новой Джейни как раз в этот момент звонила ей по телефону. Джейни услышала, как завибрировало в сумке. И тут же увидела, как поворачивается ручка на двери 209. Замок щелкнул, и за секунду, пролетевшую между щелчком и появлением отца, новая Джейни почувствовала, как откуда-то из самых глубин ее естества взметнулась наде-